

*Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищемленного дверьми!*

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

*Асимметричное
время*

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРОЗА,
ФОТОГРАФИИ, ДОКУМЕНТЫ

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ — ПОЭТ-АРХИТЕКТОР.
ОН СТРОИЛ СТИХИ, КАК СТРОЯТ БАШНИ
И ДОРОЖНЫЕ РАЗВЯЗКИ. СВЯЗЫВАЛ В ОДНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕРМОНТОВА, ЛОРКУ И ПАСТЕРНАКА.
БРАЛ НОВЫЕ ИДЕИ И КОНСТРУИРОВАЛ СВОИ
МИРЫ. ИЗ СОЧЕТАНИЙ БУКВ И СЛОВ СОСТАВЛЯЛ
СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННЫЕ ОБРАЗЫ.
МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО БЫЛО ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ? ВРЕМЯ
ЕМУ ВЫПАЛО ЯРКОЕ — ОТ 1933 ГОДА ЧЕРЕЗ ВОЙНУ,
«ОТТЕПЕЛЬ» И ЭПОХУ ЗАСТОЯ, К НАДЕЖДАМ НОВОГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ. ЕГО НАЗЫВАЮТ ШЕСТИДЕСЯТНИКОМ,
А 60-Е — ПОРА ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ. ВСЁ МОЖНО, ВСЁ
ПО СИЛАМ, И ВСЕ МОЛОДЫ. КРИТИКИ РАЗДИРАЮТ
НА ЧАСТИ: «ФОРМАЛИСТ», «БУНТАРЬ», А ПУБЛИКА
ЛОВИТ КАЖДОЕ ТВОЕ СЛОВО. МЫ ПРОСЛЕДИЛИ, КАК
НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА ОТРАЗИЛИСЬ
В СТИХАХ И ПРОЗЕ, В ФОТОГРАФИЯХ И РИСУНКАХ
АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО.

И как-то получилось,
что я читал стихи...

Мастернак
Стихи
Архитектура

«Научить писать стихи нельзя.
Это от Бога. Единственное, чем можно
помочь, — это заголить контакты, чтобы
чище принимать диктовку сверху.
Помочь быть самим собой».

Свое время Вознесенский строил стихами, и стихи его под стать той эпохе — «век разума и атома». В них и математика, и архитектура, и музыка. Его стихи — рубленные, они рассчитаны на произнесение вслух больше, чем на чтение про себя. Вознесенский родился в семье инженера, но с детства оказался заряжен поэзией.

«Тебя Пастернак к телефону!»
Оцепеневшие родители уставились на меня. Шестиклассником, никому не сказавшись, я послал ему стихи и письмо. Это был первый решительный поступок, определивший мою жизнь. И вот он отозвался и приглашает к себе на два часа, в воскресенье....

Стоял декабрь. Я пришел к серому дому в Лаврушинском, понятно, за час. Подождав, поднялся лифтом на темную площадку восьмого этажа. До двух оставалась еще минута. За дверью, видимо, услышали хлопнувший лифт. Дверь отворилась. Он стоял в дверях.

...С этого дня жизнь моя решилась, обрела волшебный смысл и предназначение: его новые стихи, телефонные разговоры, воскресные беседы у него с двух до четырех, прогулки — годы счастья и ребячьей влюбленности <...>.

...Ставил ли он мне голос?
Он просто говорил, что ему нравится и почему. Так, например, он долго пояснял мне смысл строки: «Вас за плечи держали ручищи эполетов». Помимо точности образа, он хотел от стихов дыхания, напряжения времени, сверхзадачи, того, что он называл «сила».

Грузинские дороги

*Вас за плечи держали
Ручищи эполетов.
Вы рвались и дерзали, —
Гусары и поэты!*

*И уносились ментики
Меж склонов-черепах...
И полковые медики
Копались в черепах.*

*Но оставались песни.
Они, как звон подков,
Взвивались в поднебесье
До будущих веков.*

*Их горная дорога
Крутила, как праща.
И к нашему порогу
Добросила, свища.*

*И снова мертвой петлюю
Несутся до рассвета
Такие же отпетые —
Шоферы и поэты!*

*Их фары по спирали
Уходят в небосвод.
Вы совесть потеряли!
Куда вас занесет?!*

*Из горного озона
В даль будущих веков
Летят высоким зовом
Гудки грузовиков.*

* * *

Меня пугают формализмом.

*Как вы от жизни далеки,
пропахнувшие формалином
и фимиамом знатоки!
В вас, может, есть и целина,
но нет жемчужного зерна.*

*Искусство мертвенно без искры,
не столько Божьей, как людской,
чтоб слушали бульдозеристы
непроходимую тайгой.
Им приходилось зло и солоно,
но чтоб стояли, как сейчас,
они — небритые, как солнце,
и точно сосны — шелушась.
И чтобы девочка-чувашка,
смахнувши синюю слезу,
смахнувши — чисто и чумазо,
смахнувши — точно стрекозу,
в ладони хлопала раскатисто...*

*Мне ради этого легки
любых ругателей рогатины
и яростные ярлыки.*

1953

*Живите
не в пространстве,
а во времени...*

Н.А. Козыреву

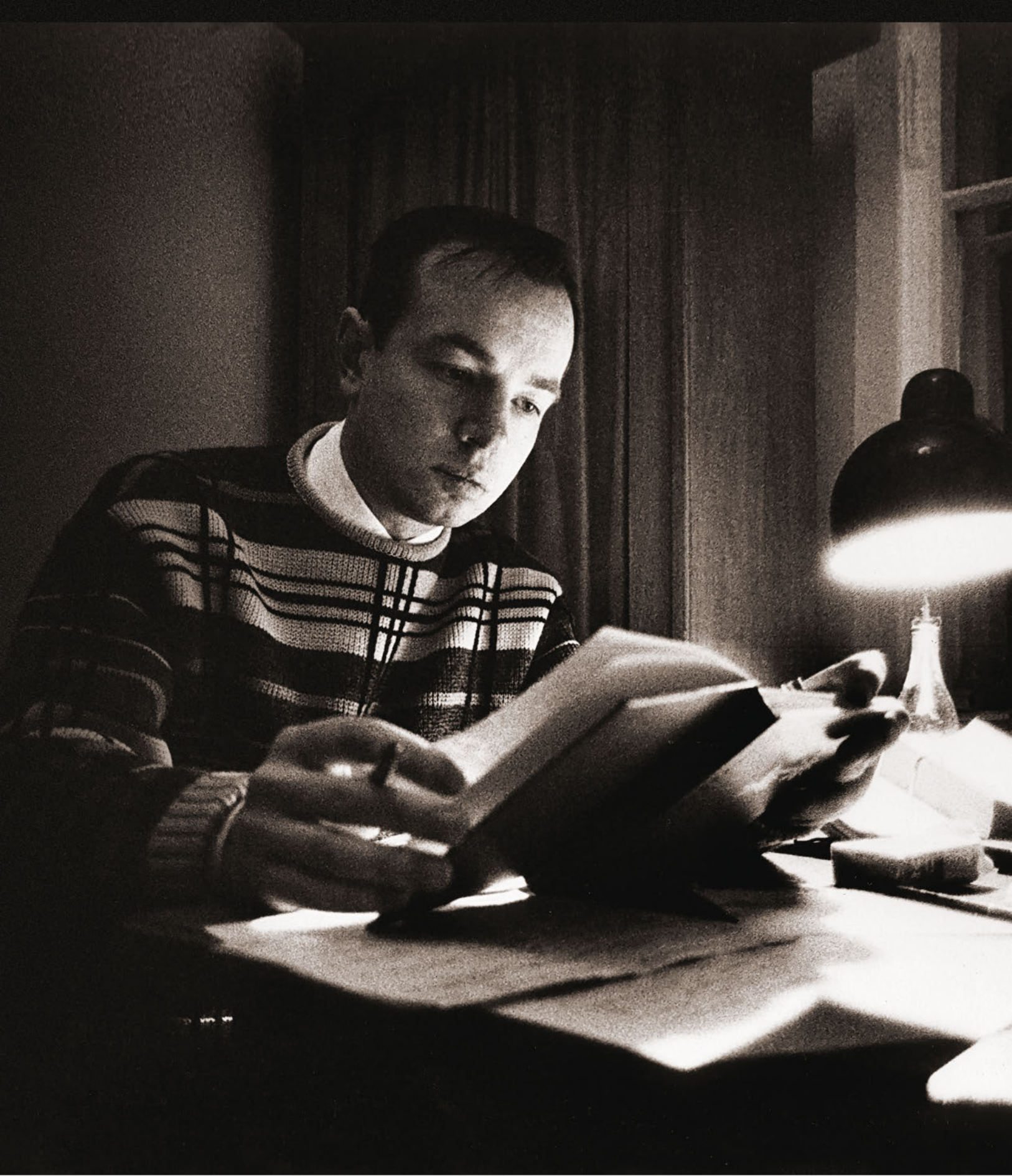
*Живите не в пространстве, а во времени,
минутные деревья вам доверены,
владейте не лесами, а часами,
живите под минутными домами,*

*и плечи вместо соболя кому-то
закутайте в бесценную минуту...*

*Какое несимметричное Время!
Последние минуты — короче,
Последняя разлука — длиннее...
Килограммы сыграют в коробочку.
Вы не страус, чтоб уткнуться в брэнное.*

*Умирают — в пространстве.
Живут — во времени.*

1975

«...Оказывается, он (Пастернак) хранил мои тетрадки и письма, на полях стихов были его карандашные пометки. Видно, он готовился к разговору. Я не подозревал об этом. Так бережно он относился даже к мальчишке. Однажды после студенческих военных летних лагерей я принес ему тетрадь новых стихов. Тогда он готовил свое «Избранное». Он переделывал стихи, ополчался против ранней своей раскованной манеры, отбирал лишь то, что ему теперь было близко. Про мои стихи он сказал: «Здесь есть раскованность и образность, но они по эту сторону грани, если бы они были моими, я бы включил их в свой сборник». Я просиял. Сам Пастернак взял бы их! А пришел домой — решил бросить писать. Ведь он бы взял их в свой, значит, они не мои, а его. Два года не писал. Потом пошли «Гойя» и другие, уже мои. «Гойю» много ругали, было несколько разносных статей. Самым мягким ярлыком был «формализм». Для меня же «Гойя» звучало — «война». В эвакуации мы жили за Уралом.

...Жилось нам туго. Все, что привезли, сменяли на продукты. Отец был в ленинградской блокаде. Говорили, что он ранен. Мать, приходя с работы, плакала. И вдруг отец возвращается — худющий, небритый, в черной гимнастерке и с брезентовым рюкзаком.... Там была тускло-желтая банка американской тушенки и книга художника под названием «Гойя». Я ничего об этом художнике не знал. Но в книге расстреливали партизан, мотались тела повешенных, корчилась война. Об этом же ежедневно говорил на кухне черный бумажный репродуктор. Отец с этой книгой летел через линию фронта. Все это связалось в одно страшное имя — Гойя. Гойя — так гудели эвакуационные поезда великого переселения народа. Гойя — так стонали сирены и бомбы перед нашим отъездом из Москвы, Гойя — так выли волки за деревней, Гойя — так причитала соседка, получив похоронку. Гойя... Эта музыка памяти записалась в стихи, первые мои стихи. Конечно, в стихах записался и иной гул, и праязык, и моя будущая судьба — но канва все равно была из детских впечатлений. <...>

Гойя

Я — Гойя!

*Глазницы воронок мне выклевал ворон,
слетая на поле нагое.*

Я — Горе.

*Я — голос
войны, городов головни на снегу сорок первого года.*

Я — Голод.

*Я — горло
повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...*

Я — Гойя!

*О, грозди
возмездья! Взвил залпом на Запад —
я пепел незваного гостя!*

*И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —
как гвозди.*

Я — Гойя.

1957

А. Вознесенский с отцом
и сестрой Наташей. 1950-е

«...Профессией и делом жизни отца моего было проектирование гидростанций, внутренней страстью — любовь к русской истории и искусству.

Он ввел мое детство в мир Врубеля, Рериха, Юона, в мир старых мастеров, кнебелевские монографии которых собирал, он брал меня с собой на волжские стройки, стыдил за прибалтийский жаргон. Он любил осенние сумерки Чехова, Чайковского, Левитана.

Стройный, смуглый, шуточный, по-мужски сдержанный — отец таил под современной энергичностью ту застенчивую интеллигентность, которая складывалась в тиши российской провинции и в нынешнем ритме жизни почти утрачена.

...Отец мой любил Серова. Серовский лирический рисунок, сдержанность и деликатность были близки его характеру. Он вкладывал свои сбережения, конечно, соразмерно окладу инженера, в монографии русской живописи.

17

ПАСТЕРНАК
СТИХИ
АРХИТЕКТУРА

ПЕРВЫЙ ЛЕД

Мерзнет девочка в автомате,
 зарываешься в пальто
 Все в слезах и губной помаде
 перемазанное лицо.

Мерзнет девочка в автомате,
 Очень худенькая ещё,
 По ресницам и по помаде
 Слезы смазывает со щёк.

маленькие

Дышит в ~~худенькие~~ ладошки.
 Пальцы-льдышки. В ушах-серёжки.

Ей обратно-одной, одной
 Вдоль по улочке ледяной.

Первый лед. Это в первый раз.
 Первый лед телефонных фраз.

Мерзнет девочка
 как снегурочка на углу
 первый раз мороз
 Маленькая первая по стеклу
 постыла
 И - Снегурочка на углу
 стоит.

Мерзлой

~~Первый~~ след на ~~улице~~ блестит —

Первый лёд от людских обид.

Поскользнёшься! Ведь в первый раз!

Бьют куранты последний час.

Будь, позвон, неотлучка
 Подбеси, ^{к ней, согрей} ~~руки~~ ладошки

Ох, раз,

Ещё раз,

Ещё много, много раз.

Не позволяй им обледеть
 В эту страшную гололедь!

Параболическая баллада

(посвящена отцу)

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке, и реже — по радуге.
Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом — торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра,
Он дал кругалю через Яву с Суматрой!

Унесся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жен, духоту академий.
Он преодолел тяготенье земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:
«Прямая — короче, парабола — круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи?»

А он уносился ракетой ревушей
Сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой гневно пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро,
Червяк — через щель, человек — по параболе.

Жила-была девочка рядом в квартале.
Мы с нею учились, зачеты сдавали.
Куда ж я уехал! И черт меня нес
Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Прости мне дурацкую эту параболу.
Простывшие плечики в черном парадном...
О, как ты звенела во мраке Вселенной
Упруго и прямо — как пруттик антенны!
А я все лечу, приземляясь по ним —
Земным и озябшим твоим позывным.
Как трудно дается нам эта парабола!..

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство, любовь и история —
По параболической траектории!

В сибирской весне утопают калоши.
А может быть, всё же прямая — короче?

УДК 77.03+821.161.1
ББК 84(2)6
В64

Вознесенский А.
В64 Несимметричное время. Стихотворения, проза, фотографии, документы. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-389-23070-5

Андрея Вознесенского называют поэтом-шестидесятником, но он поэт XX века, переходящего в век XXI. Он настоящий поэт-пророк, уже в 70-е он писал про цифровизацию нашего мира и искал в русском языке место всем новым словам и понятиям. Вознесенский, которого переводили на многие языки мира, в 60–70-е годы представлял русскую поэзию во многих странах мира от Канады до Австралии. Автор рок-оперы «Юнона и Авось», автор текстов многих хитов, свидетель жизни XX века, он очень активно сопереживал людям и событиям, и оттого его проза и его стихотворения полны соучастия, сотрудничества, притягивания мира прошлого, мира нынешнего и мира будущего.

Эта книга — хроника как жизни Андрея Вознесенского, так и жизни всего XX века в стихотворениях и фотографиях, в прозе и документах, многие из которых публикуются впервые.

УДК 77.03+821.161.1
ББК 84(2)6

Вознесенский Андрей Андреевич

НЕСИММЕТРИЧНОЕ ВРЕМЯ

Стихотворения, проза,
фотографии, документы

Руководитель проекта *Ольга Ро*
Составитель *Мария Николаева*
Выпускающий редактор *Татьяна Маслова*
Художественный редактор *Надежда Данильченко*
Технический редактор *Лидия Синецкина*
Корректоры *Наталья Соколова, Татьяна Дмитриева*
Дизайн-макет *Надежда Данильченко*
Верстка *Анна Тарасова*

ISBN 978-5-389-23070-5

© Вознесенский А.А., наследники, текст, фото, 2023
© Генриэтта Перьян, фото, 2023
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023
КоЛибри®

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный
округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Подписано в печать 14.07.2023. Формат 90×100/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,6. Тираж 3000 экз.
О-PRS-32019-01-R. Заказ №